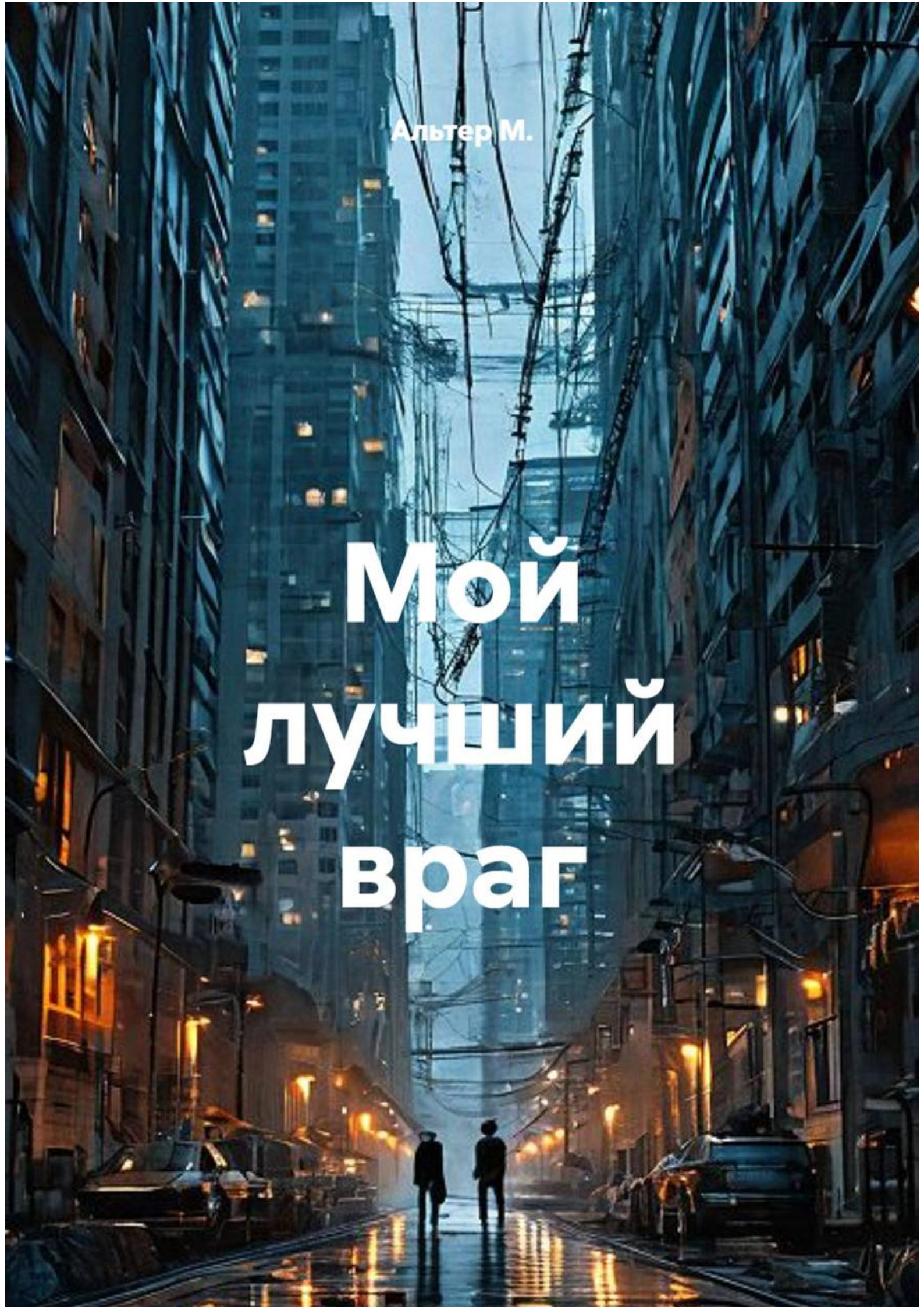

Альтер М.

Мой лучший враг

Альтер М.

Мой лучший враг

«Автор»

2026

М. А.

Мой лучший враг / А. М. — «Автор», 2026

Психологический триллер о двух архитекторах-врагах, которых против воли соединяет нейроинтерфейс, заставляя работать и жить вместе 24 часа в сутки. От ненависти к вынужденному симбиозу, от симбиоза — к подлинной связи, герои проходят путь от взаимного отторжения до глубокого понимания. Смогут ли они, сохранив себя, разрушить безжалостную систему, превращающую людей в бездушные винтики? История о свободе, близости и о том, что настоящая связь — это выбор, а не технология.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Коэффициент отторжения	5
Глава 2. Общий сон	13
Глава 3. Протокол расторжения	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Альтер М. Мой лучший враг

Глава 1. Коэффициент отторжения

Лифт, отделанный матовым черным камнем, пах озоном и дорогим кондиционером для белья. Запах был стерильным, лишенным всякой жизни, как и всё здание «Пантеона» — крупнейшего в стране агентства по подбору персонала. Когда-то здесь пахло бумажной пылью и дешевым кофе из автомата, но прогресс не стоял на месте. Теперь в холле журчала живая стена из мха, а охранники носили форму, напоминающую облачение космических офицеров.

Алексей стиснул зубы, глядя на свое отражение в полированной стали дверей. Высокий, худощавый, с залегшими под глазами тенями, он выглядел так, будто не спал неделю. Это было почти правдой. Бессонница стала его постоянным спутником после провала последнего проекта. Архитектурное бюро, которое он возглавлял, развалилось, клиенты разбежались, а кредиторы обзванивали его телефон с настойчивостью голодных чаек. Именно отчаяние, липкое и унижительное, привело его в «Пантеон», где, согласно рекламным проспектам, «нейродинамический алгоритм Немезида-7 подбирает идеальный профессиональный симбиоз».

Лифт дернулся и пополз вверх. Вместо музыки в кабине звучал инфразвуковой гул, якобы настраивающий мозговые волны на продуктивный лад. Алексею он казался похоронным звоном.

Двери разъехались беззвучно, открывая вид на просторный опенспейс, залитый холодным светом. Сотрудники в светло-серой униформе, похожие на обслуживающий персонал частной клиники, скользили между прозрачными перегородками. В воздухе витал аромат лаванды и чего-то металлического, едва уловимого. Кровь? Железо? Электронные мозги, просчитывающие судьбы?

— Господин Ветров? — перед ним материализовалась девушка с идеальной осанкой и планшетом в руках. На бейджике значилось: «Серафима, менеджер по интеграции».

— Да, — сухо ответил он.

— Прошу за мной. Комиссия ожидает.

Они прошли через лабиринт стеклянных перегородок, за которыми кипела странная работа. В одной из комнат молодой мужчина с закрытыми глазами начитывал текст, а компьютер рисовал трехмерную модель его голосовых модуляций. В другой — двое людей сидели друг напротив друга, их запястья соединял блестящий провод, а на лицах застыло выражение мучительного транса. Алексей поежился.

— Вам холодно? — спросила Серафима, не оборачиваясь. Голос у нее был лишен интонаций, словно она сама являлась частью интерфейса. — Климат-контроль подстраивается под ваши биопараметры.

— Мне не холодно, — ответил Алексей. — Мне... неудобно.

— Это нормальная реакция психики на новизну обстановки. Ваш индекс нейротизма слегка повышен. Рекомендую медленное диафрагмальное дыхание.

Алексей хмыкнул. Он ненавидел непрошенные советы, особенно от людей, которые говорили так, будто зачитывали инструкцию к тостеру.

Они вошли в небольшой конференц-зал, стены которого были покрыты матовыми черными панелями, поглощающими свет. В центре, в круге единственной лампы, стояло два кресла. Одно пустовало. Во втором сидел человек, которого Алексей мечтал никогда больше не видеть.

Максим Орловский.

Тот самый Орловский, с которым они грызлись в архитектурном институте, как два паука в одной банке. Тот самый, который увел у Алексея грант на стажировку в Токио. Который устроил показательное разнос на защите его дипломного проекта, назвав расчеты «инфантильными фантазиями дилетанта». Который основал собственное дизайн-бюро и теперь, судя по слухам, находился на грани банкротства после скандала с обрушением декоративной конструкции в бизнес-центре.

Рыжеватые, вечно взлохмаченные волосы Максима были все такими же непокорными. Уголки губ нервно подергивались. Он сидел, закинув ногу на ногу, в нарочито расслабленной позе, но побелевшие костяшки пальцев, сжимавших подлокотники, выдавали его напряжение с головой.

— Ты? — выдохнул Алексей, останавливаясь на пороге. Ярость, старая, заплесневелая, но все еще острая, шевельнулась под ложечкой.

— Я, я, — Орловский скривился в усмешке, больше похожей на оскал. — Присаживайся, коллега. Не стой столбом. Сквозняк создаешь, а у меня, знаешь ли, нервная система не казенная.

Серафима, проигнорировав вспышку напряжения, мягко подтолкнула Алексея ко второму креслу.

— Прошу садиться. Согласно нашим данным, вы знакомы. Это оптимально. Первичный социальный контекст ускоряет процесс нейросенсорной синхронизации. Ненависть — более сильный катализатор, чем равнодушие. Энергетическая амплитуда эмоции выше.

— Что за бред? — Алексей резко обернулся к девушке. — Какой еще синхронизации? Мне сказали, что здесь подбирают пару для совместного проекта. Тавтология какая-то... Я думал, это образно.

— Это буквально, — голос раздался откуда-то из темноты, и в круг света шагнул сутулый мужчина в мятом лабораторном халате поверх дорогого костюма. У него было лицо ученого-фанатика, уставшее, с лихорадочным румянцем на впалых щеках и глазами, горящими болезненным энтузиазмом. — Меня зовут Глеб Ильич Серебрянский. Я главный архитектор проекта «Тандем». И поверьте, господа, сегодня один из самых важных дней в вашей никчемной жизни.

Алексей и Максим не стовариваясь, переглянулись, и в этом коротком взгляде читалось нечто общее, мгновенное, почти первобытное согласие: этот человек им крайне неприятен.

Серебрянский тем временем взмахнул рукой, и черные панели стен ожили, превратившись в гигантские экраны. Заструились графики, диаграммы нейронных связей, побежали строки медицинских показателей.

— Вы оба — архитекторы, — заговорил он тоном лектора, обращаясь к нерадивым студентам. — Оба талантливы, но несостоятельны. Идеалисты-одиночки. Ветров — перфекционист, подавляющий эмоции, что приводит к срывам сроков и психосоматике. Орловский — импульсивный генератор идей, страдающий синдромом дефицита внимания и патологической неспособностью доводить начатое до конца. По отдельности — брак эволюции, профессиональный мусор.

— Послушайте... — начал было Максим, привставая, но Серебрянский жестом пригвоздил его к месту.

— Молчать! Когда я говорю, нейроны в вашем мозгу должны выстраиваться в позу внимания. Смотрите сюда.

На центральном экране возникла проекция двух полушарий мозга, вращающихся в такт.

— Система «Немезида» провела глубочайшее сканирование ваших когнитивных профилей. Мы проанализировали миллиарды вариантов совместимости. С вероятностью девяносто семь и восемь десятых процента ваш тандем признан идеальным. Вы — две половинки одного разрушенного сознания. Максим — правое полушарие, образное, творческое, хаотич-

ное. Алексей — левое, логическое, структурное, подавляющее. Вместе вы — гений. Поодиночке — никто.

— Это какая-то ошибка, — сухо произнес Алексей, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. — Мы с этим человеком несовместимы на биологическом уровне. Один его запах вызывает у меня рвотный рефлекс.

— Не льсти себе, Ветров, — парировал Максим. — Твой одеколон вперемешку с формальдегидом тоже не букет роз. От тебя за версту несет неудачником.

— Заткнитесь, — беззлобно бросил Серебрянский. — Ваша так называемая ненависть — это всего лишь резонанс непрожитых обид и подавленной зависти. Это энергия. Мы оцифровали её. Упаковали. И теперь используем как топливо. Эффект синергии. На ненависти держатся самые прочные империи, господа. Мы просто перенесли этот закон в нейробиологию.

Он подошел ближе, и в его руках блеснули два металлических предмета. Тонкие, матовые браслеты без единого шва, похожие на дорогие медицинские датчики.

— Познакомьтесь с вашим новым лучшим другом. Нейроинтерфейс «Сиам-4». Проще говоря, это смиренная рубашка двадцать второго века.

— Что это значит? — напрягся Алексей, отодвигаясь от протянутого браслета, как от ядовитой змеи.

— Это значит, — Серебрянский хищно улыбнулся, — что с момента активации вы станете единым организмом.

Он защелкнул холодный металл на запястье Максима. Тот дернулся, но было поздно. Браслет с тихим шелестом обжал руку, по нему пробежала едва заметная голубая искра.

— Да ты рехнулся! — Максим вскочил, пытаясь поддеть ногтем гладкий край, но металл будто прирос к коже, не сдавливая, но и не поддаваясь.

— Сядьте, — в голосе Серебрянского прорезалась сталь гипнотизера. — Вы находитесь под контрактом. В договоре был пункт о «применении инвазивных методов нематериальной мотивации». Вы его подписали, когда согласились на списание долгов.

Алексей похолодел. Вспышка памяти ударила под дых: он действительно подмахнул кипу бумаг в электронном виде, не читая, доведенный до ручки звонками коллекторов. Юристы «Пантеона» не оставляли шансов.

Серафима бесстрастно заломила его руку и профессионально защелкнула браслет на его запястье, прежде чем он успел оказать сопротивление. По коже тут же разлилось странное тепло, поднимаясь вверх к локтю, плечу и затылку. Перед глазами на миг потемнело.

— Что... что вы делаете? — прохрипел Алексей.

— Настройка нейронной петли, — пояснил Серебрянский. — Сейчас система калибруется. Вы почувствуете прилив тепла? Это активируются зеркальные нейроны. Процесс необратим, так что не советую напрягаться. Стресс ускоряет спайку.

Максим стоял, тяжело дыша и глядя на свою руку безумными глазами. Желваки ходили ходуном.

— Что значит «необратим»? — тихо спросил Алексей. Внутри нарастала паника, холодная, расчетливая, требующая немедленного плана побега. Но плана не было. Выхода не было.

— Это значит, — Серебрянский достал из нагрудного кармана электронную сигарету и затянулся густым сладковатым паром, — что теперь вы работаете в паре. Не просто работаете. Живете. Дышите. Соображаете. Отныне вы проводите вместе двадцать четыре часа в сутки.

— Что за чушь! — взорвался Максим. — У меня квартира. У меня дела. Женщины, в конце концов!

— Ах да, женщины, — Серебрянский посмаковал слово с оттенком брезгливости. — Индивидуальные половые контакты исключены. Любая попытка уединиться или разорвать физическую дистанцию далее чем на пятьдесят метров вызовет невыносимую нейронную боль. Сначала придет мигрень, затем ломота в костях, затем судороги. Смерть от болевого шока

наступает на расстоянии ста метров через час-полтора. Система требует, чтобы вы были вместе. Всегда. Спать, есть, мыться, ходить в туалет — только в присутствии друг друга. Ваши биоритмы должны настроиться на единый лад. Как у сиамских близнецов.

В комнате повисла звенящая тишина. Алексею показалось, что даже свет лампы стал ярче, выжигая сетчатку. Он смотрел на Максима, а Максим смотрел на него. Впервые за долгие годы вражды в их взглядах не было ни капли ненависти. Был только ужас. Общий, разделенный на двоих, первобытный ужас перед клеткой, в которую их засунули.

— Вы не посмеете, — выдохнул Алексей, но голос предательски дрогнул. — Это похищение. Это незаконно.

— Абсолютно законно, — Серебрянский с наслаждением выдохнул клуб дыма, и тот причудливо изогнулся в луче света, как воплощение змея-искусителя. — «Пантеон» — частная корпорация с государственной лицензией на поведенческие эксперименты в рамках национальной программы повышения трудового ресурса. Таких пар, как вы, уже пятнадцать по стране. Скоро будет пятьсот. Государство устало от разобщенности. Вы — новая модель трудовой единицы. Человек-плюс.

Максим вдруг глухо рассмеялся. Смех этот, нервный, лающий, был страшнее его обычного крика.

— Слышишь, Ветров? Мы теперь даже в сортир вместе будем ходить. Представляешь эту идиллию? Будем держать друг друга за ручку, как в детском саду.

— Заткнись, — сквозь зубы процедил Алексей. — Дай подумать.

— А что тут думать? — Максим вскинул руку с браслетом. — Нас скрутили. Ты юрист по образованию или кто? Ты же у нас зануда-законник. Где твои хваленые поправки на конституцию?

Внезапный звон в ушах заставил обоих замолчать. Странное ощущение чужеродного вторжения в виски, словно сотни крошечных игл начали прошивать костную ткань.

— О! — Серебрянский оживился, взглянув на наручные часы. — Процесс пошел. Первая синхронизация каналов. В ближайшие минуты вы начнете слышать друг друга. Пока не слова, а лишь импульсы. Эмоциональный шум. Не пугайтесь. Это называется акустической тенью подсознания.

Алексей замер, прислушиваясь. В висках действительно стоял гул, но сквозь него, словно помехи в радиоприемнике, пробивались обрывки... чувств? Злоба, острая, почти красная. Страх, липкий, болотный. И что-то еще, глубокое, тоскливое, похожее на тоску по потерянной матери. Черт, это чувство было не его. У него мать была жива и здорова, жила на даче и выращивала георгины. Но чувство было настолько ярким и живым, что на глазах выступили слезы.

— Эй, Ветров, ты чего? — Максим смотрел на него с безразличным удивлением. — У тебя глаза на мокром месте. Решил истерику закатить?

Но в голосе Орловского не было прежней уверенности. Он тоже чувствовал неладное. Его левая рука непроизвольно сжалась в кулак, когда Алексей мысленно выругался. Нервный тик правого глаза. Характерный симптом Алексея.

— Мы подхватили друг у друга привычки, — прошептал Алексей, глядя на сжатый кулак Максима. — Я всегда сжимаю кулак, когда злюсь. Левый.

Максим тупо уставился на свою ладонь.

— А я дергаю глазом... Я дергаю глазом, когда нервничаю, — медленно произнес он. — Это моя фишка. Ты никогда не дергал глазом, Леша. Я знаю. Я изучал тебя в институте, перед тем как разгромить твой проект. Твоим слабым местом была правая бровь.

— Вы начинаете обмениваться нейромоторными шаблонами, — с довольным видом хирурга, наблюдающего за успешной операцией, пояснил Серебрянский. — Это первый этап. Скоро вы начнете чувствовать физическую боль друг друга. Затем придут общие сны. А где-то через месяц в вашей шишковидной железе сформируется общий эмоциональный центр.

Вы перестанете понимать, где кончается ваша личность и начинается личность напарника. Вы станете идеальной командой.

Он развернулся и направился к выходу из зала. Черные панели погасли, свет лампы потускнел.

— Пойдите! — крикнул Алексей. — А работа? Что мы должны делать? Какой проект?!

Серебрянский задержался у двери и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— У вас нет задания. Ваша задача — выжить и не сойти с ума за три месяца. Если через девяносто дней вы останетесь дееспособны и покажете коэффициент слияния выше нуля целых семи десятых, мы допустим вас к проектированию. Если нет — вас спишут в утилизатор. Ресурс «Пантеона» не должен пропадать даром. Квартиру для вас уже подготовили. «Сиа» зафиксировал биометрию ваших кредитных карт и аккаунтов. Теперь у вас все общее. Привыкайте.

Дверь за ним закрылась с мягким вакуумным шелестом. В комнате остались только они двое и Серафима, все так же бесстрастно глядящая в планшет.

— Я отвезу вас в новые апартаменты, — объявила она. — Прошу следовать за мной. Попытка бегства или членовредительства будет пресечена системой через генерацию нейрогенного паралича.

Автомобиль, похожий на вытянутую капсулу без окон, плавно скользил в транспортном потоке. Город за бортом угадывался лишь по вибрациям и приглушенным шумам. Алексей сидел, вжавшись в угол кожаного сиденья, насколько это позволяло расстояние. Максим разместился в противоположном углу, отвернувшись к глухой стене.

Тишина была хуже крика. В тишине громче всего слышался чужой пульс. Алексей не знал, чудится ему это или нет, но ему казалось, что в висках ухают два сердца — его собственное и... чужое? Более частое, сбивчивое. Орловский боялся. Панически. И его страх каким-то непостижимым образом передавался по воздуху, игнорируя законы физики.

— Прекрати, — не выдержал Алексей.

— Что прекратить? — голос Максима был глухим, измученным.

— Бояться. У меня от тебя давление скачет.

Орловский повернул голову. В полумраке кабины его лицо казалось чужим, вылепленным из воска.

— А ты не слушай. Отключи свою паранойю. Ты всегда был трусом, Ветров. Еще с первого курса, когда боялся отвечать у доски без конспекта.

— Я не боялся. Я предпочитал точность.

— Ты тряся, как осиновый лист.

Спор, старый, как их вражда, вспыхнул и тут же погас. У обоих не было сил. Слишком много энергии забирала настройка браслетов. Алексей чувствовал, как ноет затылок, словно кто-то долбит изнутри маленьким молоточком, пытаясь пробить кость.

Машина остановилась. Двери беззвучно открылись, и в проеме показался фасад жилого комплекса «Альфа-Квартал». Дорогая новостройка в центре города, которую Алексей когда-то мельком оценивал для клиента. Он знал планировку этих пентхаусов — огромные пространства, панорамные окна, полная автоматизация.

Серафима проводила их до лифта, но внутрь не вошла.

— Сто восьмой этаж. Код доступа загружен в ваш нейроинтерфейс. Двери открываются по биометрии обоих жильцов одновременно. Система жизнеобеспечения интегрирована с браслетами. Если датчики зафиксируют конфликт, угрожающий жизни, в помещении будет распылен усыпляющий газ. Приятной адаптации.

Двери лифта сомкнулись, отрезая их от последнего живого человека. В кабине играла невесомая классика, пахло корицей, но Алексею этот запах казался приторным до тошноты. Рядом тяжело дышал Максим, и это дыхание отдавалось у него в груди странным эхом.

Квартира встретила их стерильной чистотой и полумраком. Огромная гостиная, переходящая в кухню-студию, была обставлена дорогой безликой мебелью. Цвета — бежевый, серый, немного хромированного металла. Ни единой личной вещи, ни единой картины или фотографии. Жилье как чистый холст, готовый принять своих новых обитателей.

Но кое-что выделялось. Посреди комнаты стояла одна гигантская кровать, накрытая белоснежным бельем.

— Одна кровать, — констатировал Максим, обходя её по кругу, как хищник. — Они совсем с ума посходили. Может, нам еще и в обнимку спать?

— Ты можешь лечь на полу, — холодно отозвался Алексей, проходя к окну. — Я не претендую.

Панорамный вид на город завораживал. Тысячи огней внизу, движение машин, бесконечный муравейник жизни, в котором они теперь навечно заперты вдвоем.

— Я лягу на кровать, — заявил Максим. — Как более психически устойчивый элемент. А ты можешь хоть в ванной ночевать. Тебе полезно, закалишь свою нежную натуру.

Алексей не ответил. Он смотрел в окно и думал, что отсюда, со сто восьмого этажа, открывается превосходный вид для прыжка. Браслет на руке едва заметно нагрелся. Система считывала суицидальные мысли? Он усилием воли вытеснил образ разбитого тела из сознания, заменив его чертежами параллельных линий. Успокаивающий прием.

Внезапно его пронзила острая, кинжальная боль в пояснице. Да такая, что потемнело в глазах. Он согнулся пополам, хватая воздух ртом.

— Что... какого черта? — простонал он.

Максим, стоящий у мини-бара, тоже схватился за поясницу, скривившись.

— Это я, — прохрипел он. — Прострел. Старая травма. Тренировка по боксу лет десять назад. Каждый раз, когда нервничаю, прихватывает.

— Так перестань нервничать!

— Да как я перестану, если ты меня бесишь! — рявкнул Максим, но тут же осекся, так как боль волной прокатилась по ним обоим.

Алексей медленно сполз по стеклянной стене на пол, прижимая ладонь к пояснице. Сердце колотилось где-то в горле. Значит, это правда. Они связаны не просто метафорически. Физическая боль передается напрямую, без посредников.

— Надо... надо выдохнуть, — произнес он, стараясь дышать ровно. — Сосредоточиться на чем-то... нейтральном. Представь что-нибудь приятное.

— Я представляю твои похороны, — огрызнулся Максим, но боль начала отступать. То ли его успокоительная злоба сработала, то ли ровное дыхание Алексея стабилизировало общий ритм. Они стояли на разных концах комнаты, но чувствовали пульсацию в пояснице как одно целое.

— Нам нужно выработать правила, — сказал Алексей, когда боль окончательно утихла. — Раз мы заперты в этом аквариуме.

— Правила? — Максим плеснул себе виски из бара. — Какие, к дьяволу, правила? Правило первое: не раздражать меня. Правило второе: см. правило первое.

— Серьезно, Макс, — Алексей впервые назвал его по имени без отвращения. — Если мы не научимся сосуществовать, мы уничтожим друг друга за неделю. Или браслеты убьют нас раньше. Давай договоримся о зонах тишины. О времени, когда каждый может заниматься медитацией или чтением.

— Чтением? — Максим расхохотался. — Ты собрался книжки читать? Вот умора. Ладно, библиотекарь, давай договоримся. С семи до девяти вечера — время твоей зубрежки. А с десяти до полуночи я буду слушать музыку. Громко.

— Ты будешь слушать музыку в наушниках, — жестко отрезал Алексей. — Я не переносу твои гитарные запылы.

— А я не переносу запах твоего пота, но придется терпеть, — парировал Максим. — Ладно, черт с тобой. В наушниках.

Они замолчали, осознавая абсурдность ситуации. Двое взрослых мужчин делят территорию, как дети в летнем лагере.

Ночь навалилась внезапно. Максим, несмотря на бравату, кровать уступил без боя, плюхнувшись в кресло с видом оскорбленной добродетели. Алексей лег поверх покрывала, не раздеваясь, и уставился в потолок, где мерцали встроенные светодиоды, имитирующие звездное небо.

Тишина. Но это была не та тишина, к которой он привык за годы одиночества. Раньше, оставшись один в квартире, он чувствовал пустоту, вакуум, в котором его мысли звучали отчетливо и гулко. Сейчас воздух был густым, насыщенным, как перед грозой. В нем плавали чужие флюиды. Чужое дыхание, чужой запах — смесь сандала и виски, — чужое присутствие, которое браслет усиливал в сотни раз.

Закрыв глаза, Алексей попытался вспомнить свой любимый проект. Музей современного искусства в виде спирали, уходящей в землю. Там были несущие конструкции из стеклобетона, сложные углы преломления света... Но, как назло, в голову лезли совершенно посторонние образы. Маленький мальчик с рыжими волосами плачет над разбитой коленкой. Молодая женщина с усталыми глазами вытирает ему слезы. Это была не его память. Алексей вырос с бабушкой, он не знал такой женщины. Но сцена была мучительно реальной.

С кресла донеслось сонное бормотание.

— Мама... не надо... — прошептал Максим.

Алексей повернул голову. В лунном свете, льющемся сквозь панорамное окно, он видел, как лицо спящего Орловского дергается, губы кривятся в детской обиде. Ему снилась та самая женщина. Его мать. Тепло, чувство защищенности, смешанное со страхом потери.

Внезапно Алексей поймал себя на том, что ему хочется укрыть Максима пледом. Это желание было настолько чуждым и нелогичным, что он испугался сильнее, чем тогда, в конференц-зале. Никакой ненависти не было. Была эмпатия. Непрошенная, насильственная, пришедшая через проклятый браслет.

Он сел на кровати, растирая лицо ладонями.

«Это не я, — сказал он себе. — Это интерфейс. Он подбрасывает мне его чувства».

Но сердце все равно сжималось от жалости. Где граница? Где заканчивался расчетливый, холодный архитектор Ветров и начинался взбалмошный, ранимый сирота Орловский? Проклятая «Немезида», оказывается, умела выбирать. Их подсознания, их детские травмы были зеркальными осколками одного разбитого вдребезги сосуда.

Он лег обратно и попытался ни о чем не думать.

Среди ночи его разбудил звук. Тихий, механический, пробирающий до костей скрежет. Он доносился от браслета. Алексей поднес запястье к глазам. По матовой поверхности металла бежала строка микроскопических символов. Он напряг зрение.

«Фаза 1 завершена. Инициирована синхронизация лимбической системы. Уровень совместимости растет. Поздравляем, Александр и Максим. Вы больше не враги».

Он сглотнул. Это имя... Александр? Система не ошиблась. Она назвала его чужим именем. Чьим-то именем из далекого прошлого или из будущего. Может быть, это имя их новой, общей личности?

В панике он отдернул руку, и браслет погас.

Максим пошевелился в кресле, не просыпаясь, но по его лицу пробежала тень, и губы беззвучно прошептали то, что Алексей меньше всего ожидал услышать:

— Прости меня, Леша. Я не хотел.

И это было страшнее любых угроз. Потому что это было искренне.

Алексей сел на кровати, обхватив колени руками и не сводя глаз со спящего напарника. Старые обиды, еще вчера казавшиеся монументальными, начали тускнеть, терять очертания, будто смытые беззвучным приливом. Он с ужасом понял, что больше не может ненавидеть этого человека. Система сделала нечто, вынув стержень вражды из самой сердцевины их отношений.

Но что еще она вынет завтра?

За окном медленно разгорался рассвет, окрашивая холодный бежевый интерьер в грязно-розовые тона. Где-то далеко внизу просыпался город, катились первые трамваи, открывались кофейни. Мир жил своей нормальной жизнью. А здесь, на сто восьмом этаже, в изолированной камере из стекла и бетона, зарождалась новая форма жизни. Симбиотическая. Вынужденная. Пугающая.

Алексей дотянулся до стакана с водой на прикроватной тумбе, но не удержал его. Стакан выскользнул из пальцев и покатился по ковру. Одновременно с этим Максим резко сел в кресле, схватившись за правую руку, ту самую, которой Алексей пытался ухватить падающий предмет.

— Ты можешь не ронять вещи по ночам? — раздраженно бросил он спросонья, потирая запястье.

— Прости, — автоматически ответил Алексей, и только через секунду до него дошел смысл произошедшего. Мышечная память. Тело одного бессознательно реагировало на действия другого.

Они долго смотрели друг на друга в сером утреннем свете, не произнося ни слова. Потом Максим, кряхтя, встал и направился в ванную.

— Я в душ. И ради бога, не вздумай в это время готовить завтрак. Я не хочу порезаться ножом или обжечься о тостер за компанию с тобой.

Алексей остался сидеть на кровати, слушая шум воды. Голова гудела, суставы ныли, будто он всю ночь таскал мешки с цементом. Чужая ломота. Чужая усталость. Чужое покаяние. Он чувствовал себя губкой, которую швырнули в грязную лужу, и она впитывает всё без разбора.

Внезапно в тишине квартиры раздался голос. Бесплотный, синтезированный, льющийся сразу отовсюду:

— Доброе утро, дуэт «Один-Девять». Текущее время: шесть часов тридцать минут. Показатели кортизола повышены. Уровень агрессии ниже порогового значения. Рекомендован совместный легкий завтрак с высоким содержанием триптофана. Хорошего дня.

Это была система жизнеобеспечения. И она знала о них всё.

Максим вышел из ванной с мокрыми волосами, в одном полотенце на бедрах.

— Ну что, Леша, — сказал он неожиданно спокойно. — Кажется, у нас больше нет секретов друг от друга.

— Кажется, у нас больше нет ничего своего, — ответил Алексей.

И это было горькой правдой их нового существования, в котором отныне каждая мысль могла стать общей, а каждый страх — зеркальным.

Глава 2. Общий сон

Прошло три дня. Три дня, которые превратили жизнь Алексея Ветрова в бесконечный, изматывающий эксперимент по выживанию в условиях принудительной близости. Квартира на сто восьмом этаже, казавшаяся вначале роскошной тюрьмой, теперь воспринималась как чашка Петри, в которой выращивали новый, неизвестный науке штамм человеческих отношений. Все было пропитано чужаком. Запахи, звуки, даже температура воздуха, которую Максим предпочитал на два градуса ниже, чем Алексей. Тело постоянно находилось в состоянии легкого озноба, и он уже не понимал, его это зябкость или отголосок чужого метаболизма.

Самой страшной пыткой стали ночи.

Спать в одной комнате с Орловским оказалось испытанием, сравнимым с пыткой водой. Каждый шорох, каждый вздох, каждое изменение позы в кресле отдавалось в нервной системе Алексея гулким эхом. Браслет не просто транслировал сильные всплески эмоций или боль, он начал передавать фон. Тихий, непрерывный гул чужого подсознания, похожий на радиопомехи от далекой грозы. Когда Максим засыпал, его сознание отключалось, но подкорка продолжала вещать. В мозг Алексея вливались обрывки образов, неоформленные желания, эмбрионы страхов.

Однажды он проснулся в холодном поту от того, что задыхался. Горло сжимал спазм. В панике он схватился за шею, пытаясь вдохнуть, но воздух не проходил. Это была паническая атака — диагноз, с которым Максим, оказывается, жил последние пять лет после того самого обрушения декоративной конструкции, когда под завалами погиб его помощник.

Орловский в это время мирно спал, но его спящий мозг посылал сигналы тревоги, и тело Алексея принимало их за свои. Они никогда не говорили об этом инциденте. Это было табу. Но теперь Алексей знал всё. Он пережил эту трагедию во сне так, будто сам стоял рядом с рушащимися фермами, слышал хруст металла и истошный крик.

Утром, после той ночи, он впервые посмотрел на Максима без тени прежнего презрения. Тот сидел у окна, пил кофе, и на лице его застыла маска привычного цинизма. Но теперь Алексей видел глубже. Под маской прятался смертельно перепуганный мальчишка, которого никто никогда не утешал. Чувство было настолько сильным, что к горлу подкатил ком.

— Чего уставился? — Максим почувствовал взгляд. — У меня крошки на подбородке?

— Нет, — Алексей отвел глаза. — Просто задумался.

— Задумался он. Смотри не перетруди извилину, один на двоих мозг пока что.

Это была типичная защитная реакция. Раньше она бесила Алексея, вызывала желание уколоть в ответ. Теперь она вызывала почти сочувствие. И это пугало больше, чем ночные кошмары.

К вечеру третьего дня квартира, прежде стерильная и безликая, начала приобретать черты хаотичного общежития. Максим, в силу своей натуры, разбрасывал вещи повсюду. На журнальном столике скопились пустые чашки из-под чая, какие-то чертежи, смятые салфетки с наспех записанными формулами. Алексей, педант до мозга костей, страдал от каждого такого островка беспорядка. Но убирать за Орловским означало признать свое поражение, а скандалить не было сил. Вместо этого он начал замечать странную вещь: ему самому стало труднее поддерживать порядок. Он ловил себя на том, что, сделав над собой усилие, ставит кружку в раковину только с третьего раза, а рука сама тянется бросить книгу на диван, а не на полку. Вредные привычки напарника просачивались в него, как яд сквозь кожу.

— Твоя неряшливость заразна, — заметил он вечером, когда Максим в очередной раз уронил крошки от бутерброда на дорогой итальянский ковер и не соизволил их поднять.

— А твоя занудность — нет, — весело отозвался Максим. — Иммуитет у меня к ней. Природный. Так что не надейся.

Но он ошибался. Алексей уже чувствовал это. Их личности не просто соприкасались, они начали осмотический обмен. И направление этого обмена было пока что не в его пользу. Хаос, исходящий от Максима, был энергетически сильнее. Он захватывал территорию.

На четвертый день пришло сообщение от «Пантеона». Не звонок, не голосовое оповещение, а текст, вспыхнувший прямо на внутренней стороне запястья, где металл браслета соприкасался с кожей. Буквы проступили сквозь эпидермис, как татуировка, а затем впитались в кровь, оставив после себя легкое жжение.

«Дуэт "Один-Девять". Первый этап адаптации пройден. Показатели слияния: коэффициент зеркального ответа — двадцать три процента. Эмпатическая проводимость — девятнадцать процентов. Рекомендация: увеличить время тактильного контакта до двух часов в сутки. Отсутствие физического соприкосновения замедляет выработку общего нейромедиаторного фона».

Алексей дернулся, будто его ударило током.

— Ты видел? — спросил он Максима, который в этот момент развалился на диване с допотопной бумажной книгой.

— Видел. — Орловский отшвырнул книгу в сторону. — Два часа тактильного контакта. Это они серьезно? Нам что, за ручки держаться?

— Похоже на то.

— Черта с два! — Максим вскочил. — Пусть подавятся своими процентами. Я не собираюсь с тобой обниматься. Мне от одной мысли об этом дурно становится. Чувствуешь? — он ткнул пальцем в солнечное сплетение. — Вот здесь ком. Это отвращение.

Алексей молчал. Он действительно чувствовал этот ком. Но была в нем какая-то странная двойственность. Отвращение перемешивалось с чем-то еще. С любопытством? С голодом по человеческому теплу, которого у него не было уже много лет? Браслет показывал лишь цифры, но не объяснял их природу.

— Максим, — произнес он устало, — может, попробуем? Чисто механически. Пожать руки на две минуты. Это же не...

— Заткнись! — взгляд Орловского полыхнул яростью. — Я лучше сдохну от болевого шока, чем буду изображать нежности с тобой.

Но угроза была пустой. Умирать никто из них не хотел. Острое желание жить, присущее обоим, было, пожалуй, единственным, что пока не подверглось синхронизации. Хотя, прислушавшись к себе, Алексей понял, что в его собственной жажде жизни появился новый оттенок — лихорадочный, панический, как у загнанного зверя. Оттенок Максима.

Ночь на пятый день стала переломной.

Они легли по обычной схеме: Максим в кресле (он принципиально отказывался ложиться на кровать, пока там спит Ветров), Алексей на кровати. За окном моросил дождь, выбивая по стеклу ритмичную дробь. Этот звук, обычно убаюкивающий, сейчас раздражал. Уснуть не получалось. Мысли металась, как летучие мыши в пещере.

Алексей лежал с закрытыми глазами и пытался применить технику прогрессивной мышечной релаксации, которой его обучил когда-то психотерапевт. Расслабить стопы. Голени. Бедро. Мышцы живота.

Внезапно в груди что-то екнуло, а перед внутренним взором вспыхнула картинка. Не его.

Он стоит на сцене. Яркий свет софитов бьет в глаза. В руках скрипка. Дерево теплое, отлакированное. В зале сотни людей. Тишина звенит. Он поднимает смычок и касается струн. Льется чистая, пронзительная нота. И тут из глубины зала, с первого ряда, доносится скрип отодвигаемого кресла. Высокий мужчина встает и молча уходит. Его спина, удаляющаяся в проходе, выражает презрение. Маленький Максим (потому что это он, только очень юный, почти ребенок) продолжает играть, но звук уже срывается, пальцы немеют...

Алексей распахнул глаза. Сердце колотилось. Это не было сном. Это было вторжение в чужую память.

— Эй, — тихо позвал он. — Макс. Ты не спишь?

— Не сплю, — донеслось из темноты. Голос был напряженным.

— У тебя... был концерт? В детстве? Ты играл на скрипке, и отец ушел из зала.

Долгое молчание.

— Откуда ты знаешь? — в голосе Орловского послышалась угроза пополам с изумлением.

— Я видел это. Только что. Как будто я стоял на сцене.

Шелест ткани. Максим поднялся с кресла и подошел к кровати. В тусклом свете городских огней его силуэт казался вырезанным из черной бумаги.

— Это была не скрипка. Это был альт. Мне было двенадцать. Отец ушел с моего выступления, потому что я забыл поклониться его новому партнеру по бизнесу, сидевшему рядом. Сказал, что я опозорил его перед деловыми кругами. Больше я никогда не выходил на сцену.

Алексей молча слушал. Образ мальчика, одиноко стоящего под софитами, и сутулая спина уходящего отца — все это было наполнено такой болью, что у него самого защипало в носу.

— Я не хотел лезть в твою голову, — наконец произнес он. — Оно само.

— Знаю, — неожиданно спокойно ответил Максим. — Я только что видел твою бабушку. Она пекла блины, да? И напевала «Ой, цветет калина». Ты сидел на табурете и смотрел, как за окном падает снег. Тебе было тепло и безопасно.

Алексей вздрогнул. Это было его самое заветное воспоминание, которое он хранил как талисман. Единственное чистое, не запятнанное одиночеством и неудачами. И теперь оно было у Орловского.

— Мы не просто слышим мысли, — сказал он, садясь на кровати. — Мы видим воспоминания.

— Похоже на то, — Максим тяжело опустился на край кровати, нарушив негласный территориальный запрет. На этот раз Алексей не протестовал. — Это плохо, Ветров. Очень плохо. У меня в голове есть такие вещи... тебе лучше их не видеть.

— У меня тоже, — признался Алексей. — Но как это остановить?

Ответа не было. Они сидели рядом в темноте, плечом к плечу, и молчали. Впервые за все время их знакомства это молчание не было наполнено ненавистью. Оно было общим. Почти уютным.

Внезапно Алексей почувствовал приступ головокружения, и мир поплыл. Стены комнаты задрожали, растворились, уступая место другому пространству — залитому солнцем, с запахом нагретой пыли и старых книг. Библиотека? Архитектурный институт?

Они стояли в коридоре у кафедры. Молодой Максим, еще без морицин и вечной складки меж бровей, листал конспект. Рядом, чуть поодаль, топтался молодой Алексей — нескладный, долговязый, с прыщавым лбом. В руках у него были ватманские листы с чертежами.

— Ветров? — Максим оторвался от конспекта. — Это ты тот самый, который выиграл внутренний конкурс на стажировку?

— Я, — голос Алексея звучал робко. — А ты...

— Орловский. Запомни эту фамилию, приятель. Потому что через месяц именно я поеду в Токио. А ты останешься здесь, протирать штаны.

Это не было шуткой. Это было холодное, расчетливое обещание. Алексей побледнел, сжал листы так, что они помялись, и молча пошел прочь. Его спина, удаляющаяся по коридору, выражала ту же смесь обиды и унижения, что и спина отца Максима много лет назад.

Картинка погасла. Головокружение отпустило. Они снова сидели в темной комнате на сто восьмом этаже.

— Это уже не просто воспоминания, — прошептал Алексей. — Это реконструкция. Сцена, которую мы оба помним, но с двух ракурсов. Я вспомнил, что чувствовал тогда, а ты вспомнил, как выглядел со стороны.

— Я выглядел как самодовольный ублюдок, — глухо отозвался Максим. — Зачем я это сказал? Зачем я вообще начал эту войну?

В его голосе звучало неподдельное, почти детское недоумение. Словно он впервые в жизни задался этим вопросом.

— Потому что увидел во мне конкурента? — предположил Алексей.

— Нет... — Максим покачал головой. — Я увидел в тебе... себя. Только лучшую версию. У тебя была полная семья, хоть и бабушка. Ты был старательным, усидчивым, у тебя были оценки, перспективы. А во мне уже тогда сидел червь саморазрушения. И я решил уничтожить тебя раньше, чем ты станешь тем, кем я не смогу.

Это признание повисло в воздухе, как приговор. Алексей не знал, что ответить. Его враг, его мучитель на протяжении многих лет, только что признался в зависти. Но легче от этого не стало. Стало только горше. Потому что картина мира, в которой Орловский был абсолютным злом, рушилась. А на смену ей приходило что-то сложное, многослойное, требующее переосмысления всей жизни.

Браслет на запястье снова нагрелся. На коже проступила новая надпись: «Общая реконструкция травматического опыта. Уровень синхронизации: тридцать один процент. Превышение ожидаемого графика. Поощрение активировано».

И прежде чем они успели спросить друг у друга, что это значит, в кровь хлынула волна... эйфории. Чистого, незамутненного счастья. Гормоны ударили в мозг, как порция мощнейшего наркотика. Все тревоги, страхи, взаимные претензии смыло потоком невыносимого, искусственного блаженства.

Алексей застонал, откидываясь на подушки. Мышцы расслабились, лицо расплылось в дурацкой улыбке. Рядом Максим издал похожий звук.

— Что... что это? — выдавил Алексей. — Хорошо-то как... Господи...

— Дофамин... — прохрипел Максим. — И эндорфины. Они вприснули нам гормоны через браслет. Прямо в кровь. Как лабораторным крысам, которые нажали на рычаг.

— Пусть крысы... — Алексей закрыл глаза, наслаждаясь невесомостью. — Я согласен... быть крысой...

Сознание угасало, уступая место блаженной пустоте.

Пробуждение было тяжелым и мутным, как похмелье. Голова гудела, во рту пересохло. Но самым шокирующим было другое.

Они проснулись в одной постели. И не просто в одной. Максим лежал, обхватив Алексея рукой за плечи, уткнувшись лицом ему в затылок. Алексей же во сне прижимался спиной к его груди в позе, полной бессознательного, животного доверия.

Он отпрянул так резко, что едва не свалился с кровати.

— Какого черта?!

Максим тоже проснулся, заморгал, оглядел пространство и свою конечность, лежащую на чужом плече. На его лице отразилась смена эмоций: непонимание, ужас, отвращение, и — на долю секунды — разочарование от того, что тепло исчезло.

— Это всё химия, — быстро заговорил он, убирая руку как от огня. — Нас накачали дрянью, и мы отрубались. Рефлексы. Искали тепла. Это ничего не значит.

— Я знаю, что это значит, — Алексей судорожно поправлял одежду. — Это значит, что они превратили нас в подопытных животных.

Он встал с кровати и, шатаясь, прошел в ванную. Умываясь ледяной водой, он смотрел на свое отражение и не узнавал себя. В красных, опухших глазах мелькал страх. Но где-то в

самой глубине зрачков притаилось и кое-что еще — тоска по тому секундному теплу, которое он испытал при пробуждении. Чужое тепло. Тепло врага.

День прошел в попытках сделать вид, что ничего экстраординарного не случилось. Но равновесие было нарушено. То и дело Алексей ловил себя на том, что рассматривает руки Максима — те самые, которые обнимали его во сне. Или прислушивается к биению его сердца, которое, как ему казалось, слышит сквозь стены.

Вечером, когда система снова прислала напоминание о необходимости тактильного контакта, Максим не взорвался гневной тирадой. Он только вздохнул и устало произнес:

— Давай покончим с этим.

— В смысле?

— В прямом. Два часа контакта. Если мы будем сидеть сложа руки, нас опять накачают гормонами. А у меня от прошлого раза башка до сих пор трещит. Лучше контролируемый процесс, чем опять отключиться и проснуться неизвестно в какой позе.

Логика в этом была. Пугающая, но логика.

— Хорошо, — сдался Алексей. — Что ты предлагаешь?

— Спина к спине. Сидим на диване, смотрим в стену. Никаких объятий, никакой близости. Просто физический контакт.

Так они и сделали. Уселись на широкий кожаный диван, отвернувшись друг от друга, соприкасаясь только лопатками и позвоночниками. Поза была нелепой, почти карикатурной. Алексей чувствовал чужое тепло сквозь ткань рубашки, чужое дыхание, отдающееся в его грудной клетке.

— О чем ты думаешь? — спросил Максим.

— О том, что это напоминает детскую игру в молчанку.

— Я думаю о той стажировке в Токио, — признался Орловский. — Я ведь провалил её. С треском. Местный архитектор, мой наставник, сказал, что я бездарность, которая пытается скрыть отсутствие знаний за эпатажем. Это было жестоко. Но справедливо. Я вернулся в Москву и сжег все свои наброски. А потом открыл бюро.

— Чтобы доказать?

— Чтобы забыть. Доказать я ничего не смог. Ты знаешь, чем кончилось.

Алексей молчал. За эти дни он столько узнал о трагедии Максима, что старая обида за проигранный грант уже не имела значения.

— Ты видел мой диплом, — сказал он. — Тогда, в институте. Когда назвал его инфантильным.

— Помню.

— Ты был прав. Расчеты были сырыми. Я слишком увлекся эстетикой и забыл о нагрузках. Если бы ты не провалил меня тогда, я бы построил здание, которое могло рухнуть.

Максим фыркнул.

— Ого. Мы дожили до этого момента. Ветров признал мою правоту. Система, запиши в протокол.

— Дурак, — беззлобно бросил Алексей.

— Сам дурак.

Они замолчали, но молчание это было другим. Не враждебным. А почти мирным. Спины грели друг друга, пульс постепенно выравнивался в единый ритм. Это было странно и противоестественно, но Алексей вдруг поймал себя на мысли, что если бы ему предложили сейчас встать и уйти, он бы не согласился. Тепло оказалось приятным.

Система, должно быть, зафиксировала успокоение нейронных колебаний, потому что браслет издал тихий, довольный звуковой сигнал. По телу пробежала легкая волна расслабления — не такая сильная, как прошлая эйфория, а мягкая, почти натуральная. Поощрение за хорошее поведение.

— Чувствуешь? — спросил Максим.

— Да.

— Кажется, мы превращаемся в дрессированных пуделей.

— Главное, чтобы мы не превратились в одну собаку на двоих.

Но слова прозвучали скорее как заклинание, в которое сам заклинатель уже не верил.

Час спустя, когда время контакта истекло, они разошлись по своим углам, чувствуя странную, необъяснимую пустоту в том месте спины, где только что ощущалось чужое присутствие.

Ночью Алексею приснился дом. Огромный, светлый, наполненный воздухом. Архитектурный шедевр, соединяющий в себе строгую логику и буйную фантазию. В этом доме были изогнутые лестницы без перил, парящие в воздухе балконы, стеклянные полы, под которыми текли живые ручьи. Он ходил по нему и знал каждую деталь, каждый стык, каждую несущую балку. Это был его проект. И в то же время — не его. Его рука узнавалась в точных расчетах, но в плавности линий сквозила чужая, дерзкая мысль. Они построили этот дом вместе. Во сне.

Проснувшись, он помнил каждую деталь так ясно, будто действительно держал в руках чертежи. Максим проснулся одновременно с ним, и по его расширенным зрачкам Алексей понял, что сон был общим.

— Ты видел? — спросил Орловский.

— Дом. Мы создали его во сне.

— Черт возьми, — Максим потер лицо ладонями. — Это было... гениально. Я никогда не мог придумать такой конструкции. Но во сне она была очевидна. Как дважды два.

— Я тоже не мог. Я слишком боялся кривых линий. А во сне они несли нагрузку лучше прямых. Это противоречит сопромату, но...

— ...но работает, — закончил Максим. — Ветров, что с нами делают? Мы перестаем быть собой. И самое поганое, что результат мне нравится.

В его голосе звучал ужас пополам с восторгом. Именно эта смесь была самым пугающим признаком. Они уже не просто терпели друг друга. Они начинали нравиться друг другу. Или, что страшнее, система создавала третью сущность, для которой их прежняя вражда была такой же нелепой, как ссора правой и левой руки.

Утром следующего дня система «умный дом» вывела на главный экран гостиной новое сообщение. Оно сопровождалось голосом Серебрянского — бодрым, почти веселым, что звучало особенно зловеще.

— Доброе утро, дуэт «Один-Девять». Рад сообщить, что ваши показатели превосходят все ожидания. Вы достигли тридцати семи процентов слияния за пять дней. Это рекордный темп. В связи с этим я принял решение ускорить программу. Сегодня вы получите первое рабочее задание. Это тестовый проект. Небольшой, но ответственный. Если вы справитесь, мы допустим вас к реальному проектированию. Детали получите через час. И еще, — тон его стал вкрадчивым, почти интимным, — советую вам больше доверять друг другу. Сопротивление бесполезно и болезненно. Сотрудничество — приятно. Делайте выводы.

Экран погас. Алексей и Максим переглянулись.

— Рабочее задание, — повторил Алексей. — Наконец-то. Может быть, если мы займемся делом, этот кошмар станет осмысленным.

— Или мы провалим его и нас спишут в утилизатор, — напомнил Максим. — Ты не забыл эту деталь?

Забыть такое было невозможно. Но странным образом угроза уничтожения теперь пугала меньше, чем угроза растворения друг в друге. Физическая смерть оставалась понятной, конечной. А медленное исчезновение собственного «я» было чем-то гораздо более жутким, не имеющим аналогов в человеческом опыте.

Через час, как и было обещано, на планшет, встроенный в стену кухни, поступил пакет данных. Алексей открыл его, пробежал глазами техническое задание.

— Это павильон для выставки современного искусства, — сказал он. — Временная конструкция. Срок исполнения — три дня. Материалы ограничены: дерево, стекло, натяжные мембраны. Площадка — старая промзона. Они хотят, чтобы павильон стал символом возрождения района.

Максим подошел, встал рядом, изучая чертежи площадки. От него пахло кофе и гелем для душа. Запах уже не раздражал, стал привычным.

— Скукота, — резюмировал он. — Типовое задание для студентов. Они хотят проверить, как мы взаимодействуем в рабочих условиях.

— Вероятно. Но сделать надо хорошо.

— Сделаем, — Максим хлопнул ладонью по столу, и Алексей почувствовал этот хлопок своей левой рукой. — За дело.

Работа началась. И почти сразу стало ясно, что их творческий процесс изменился до неузнаваемости. Раньше любое обсуждение скатывалось в спор, переходящий на личности. Теперь же мысли текли свободно, перетекая из одной головы в другую без слов. Стоило Алексею представить себе несущую арку, как Максим уже мысленно набрасывал на нее мембрану. Стоило Максиму вообразить игру света в стеклянных переходах, как Алексей уже просчитывал коэффициент преломления.

Они говорили мало, а если говорили, то обрывками фраз, понятными только им двоим.

— Здесь нужен контрфорс...

— Да, вижу. Разгрузит угол. А если сместить ось на два градуса...

— Тогда мембрана провиснет.

— Не провиснет. Я добавлю ребро жесткости.

— Ты уверен?

— А ты сам посмотри.

«Сам посмотри» означало: закрой глаза и увидь то, что вижу я. И Алексей закрывал, и действительно видел. С каждым часом мысленные образы становились все ярче, детальнее, они больше не нуждались в посредничестве слов. Это пугало и восхищало одновременно. КПД их тандема был феноменален. Проект, на который обычно ушла бы неделя напряженного труда, обретал плоть за считанные часы.

К вечеру второго дня работы над проектом напряжение достигло пика. Максим предложил совершенно безумную идею — подвесить центральный зал павильона на консольных балках без единой вертикальной опоры, создав иллюзию парения в воздухе. Идея была гениальной с эстетической точки зрения и самоубийственной с инженерной. В обычной ситуации Алексей отверг бы её с порога, даже не рассматривая. Но теперь он чувствовал восторг Максима, его творческий подъем, и этот восторг был так заразителен, что сопротивляться не было сил.

— Дай посчитаю, — сказал он, погружаясь в расчеты.

Цифры плыли перед глазами. Нагрузка на консоль превышала допустимую почти вдвое. Но где-то на периферии сознания билась чужая мысль: «Композит. Добавь стекловолокно в деревянные балки. Получишь другой модуль упругости».

— Точно, — прошептал он. — Если мы возьмем не чистое дерево, а клееный брус с добавлением полимерных нитей...

— ...то нагрузка распределится иначе, — подхватил Максим. — Я видел такую технологию в Японии. Тогда еще, на стажировке. Мой наставник отказался ее применять, назвал профанацией. А я запомнил.

Они склонились над чертежами плечом к плечу. Воздух между ними искрил от напряжения. И в какой-то момент, потянувшись за линейкой, Алексей накрыл ладонь Максима своей. Это вышло случайно. Но убирать руку никто из них не стал.

Контакт длился секунд десять. Теплых, странных, наполненных электричеством. Потом Максим медленно высвободил руку и, кашлянув, произнес:

— Значит, остановимся на композите. Я начну детализацию восточного крыла, ты займись расчетами.

— Принято, — голос Алексея был спокойным, но внутри всё дрожало.

То, что произошло только что, было чудовищным нарушением их негласных границ. И самым страшным было то, что ему понравилось. Прикосновение к теплой, живой коже напарника не вызвало отторжения. Оно вызвало... голод.

Ночью, лежа в постели и глядя в потолок, Алексей пытался разобраться в себе. Он вспоминал их первую встречу в институте, многолетнюю вражду, холодную войну. Где тот человек, который пришел в «Пантеон», полный ненависти? Он умирал. Медленно, мучительно, уступая место кому-то новому. Кому-то, кто с нетерпением ждал утра, чтобы снова сесть за чертежи с Максимом. Кому-то, кто начал находить утешение в чужом дыхании за стеной.

На запястье снова засветился браслет. Сообщение было адресным, только для него:

«Алексей. Ваш индивидуальный индекс резистентности (сопротивления слиянию) снизился до критической отметки. Вы находитесь на пороге необратимого нейронного спаривания. Последствия: полная утрата эмоциональной автономии, формирование коллективного сознания, невозможность индивидуального существования. Рекомендуется обдумать свои желания и принять осознанное решение. В случае согласия на слияние — продолжайте текущий курс. В случае отказа — активируйте протокол расторжения через меню браслета. Внимание: протокол расторжения ведет к прекращению жизнедеятельности одного из участников дуэта. Выбор должен быть сделан совместно и единогласно».

Строчки расплывались перед глазами. Вот оно. Ультиматум. Можно разорвать связь, но ценой жизни одного из них. И выбор должны сделать они сами. Вместе.

Он опустил руку и закрыл глаза. Где-то в кресле посапывал Максим. Его враг. Его напарник. Его отражение. Мысль о том, чтобы убить его, возникла на секунду и тут же исчезла, смытая волной тошноты. Нет. Он не сможет. Он уже не мог отделить себя от этого человека настолько, чтобы желать ему смерти. Система победила.

Остается только слияние. Медленное, неумолимое, ведущее в никуда. Или — в нового человека по имени Александр, черт бы его побрал.

За окном снова пошел дождь. Капли барабанили по стеклу, отсчитывая ритм их общего времени. Сколько еще часов, дней, лет им суждено провести вместе? И когда наступит момент, когда он посмотрит в зеркало и не узнает, чьи глаза смотрят на него оттуда?

Ответов не было. Была только глухая, ноющая боль в висках — общая головная боль на двоих, — и тихий, едва различимый шепот в глубине сознания: «Не бойся. Я рядом». И нельзя было понять, его это мысль или чужая. Да это уже и не имело значения.

Глава 3. Протокол расторжения

Утро шестого дня совместного заключения началось не с рассвета, а с приступа удушья. Алексей резко сел на кровати, хватая ртом воздух, но легкие будто наполнились свинцом. Он схватился за грудь, чувствуя, как сердце бьется где-то у горла, а перед глазами пляшут черные точки. Это не было его удушье. Это был панический приступ Максима, транслируемый через браслет с такой силой, что собственное тело Алексея перестало слушаться.

— Макс... — прохрипел он, поворачивая голову.

Орловский сидел в кресле, вцепившись в подлокотники побелевшими пальцами. Лицо его было белым как мел, зрачки расширены, на лбу выступила испарина. Он смотрел прямо перед собой, но взгляд был отсутствующим, направленным куда-то в кошмар, разворачивающийся внутри его черепа.

— Я видел... — выдавил Максим. — Я видел их всех. Тех, кто был под завалами. Они пришли ко мне во сне. Мой помощник, Павел, он стоял без лица и спрашивал, почему я не проверил крепления. Почему я...

Алексей, преодолевая остатки чужого спазма, поднялся с кровати и нетвердой походкой направился к напарнику. Он не знал, что делает. Им владел не разум, а та новая, инородная часть сознания, которая требовала утешить, защитить, прикоснуться. Он опустился на корточки перед креслом и взял Максима за ледяные, влажные руки.

— Это был сон. Только сон. Ты не виноват.

— Виноват! — голос Орловского сорвался на крик. — Я утвердил проект с нарушениями. Я знал, что там недостаточный запас прочности, но сроки поджимали, заказчик требовал сдать объект к открытию... Я думал, обойдется. А оно не обошлось.

Слезы текли по его щекам, и Алексей, к своему ужасу, чувствовал каждую соленую дорожку на собственной коже. Общий стыд. Общая вина. То, что Максим скрывал годами, похоронив под слоями цинизма, теперь выплеснулось наружу и заполнило их общее эмоциональное пространство.

— Мы что-нибудь придумаем, — произнес Алексей, сам не веря в свои слова. — Слышишь? Мы вместе. Мы теперь все делаем вместе.

Максим поднял на него опухшие глаза. В них читалась такая бездна отчаяния, что у Алексея перехватило дыхание.

— Вместе... — повторил Орловский, и его голос дрогнул. — Ты получил сообщение? Про протокол?

— Получил.

— И что ты решил?

Алексей молчал, продолжая держать его руки. Молчание затягивалось. В висках гудело, а на границе сознания плясали чужие мысли, похожие на рваные клочки бумаги: «Убей меня. Освободи. Я не достоин. Я только погублю и тебя тоже. Убей меня, Леша».

— Нет, — твердо сказал Алексей вслух, отвечая не на слова, а на мысль. — Я не стану этого делать.

— Ты не понимаешь! — Максим попытался вырвать руки, но Алексей держал крепко. — Я опасен. То, что во мне сидит, эта безответственность, эта самоуверенность — оно рано или поздно убьет и тебя. Не физически, так профессионально. Мы же строим, Леша. Строим здания, в которых будут люди. А я — бомба замедленного действия. И если я взорвусь, то под обломками окажешься ты.

— Значит, мы будем проверять каждый твой шаг, — спокойно ответил Алексей. — У тебя есть я. Мой контроль, моя дотошность. Я стану твоими перилами. Не дам упасть.

Эта метафора, родившаяся сама собой, повисла в воздухе. Максим перестал вырываться и замер, глядя на их переплетенные пальцы.

— Перилами... — прошептал он. — Красиво говоришь, Ветров. Раньше за тобой такого не водилось.

— Раньше я не был твоим сиамериканским близнецом.

Короткий, нервный смешок прозвучал как всхлип. Но напряжение немного спало. Дыхание обоих выровнялось, пульс замедлился до общего ритма. Алексей только теперь заметил, что все это время стоял на коленях перед креслом, сжимая руки Максима, и что их лица разделяло каких-то двадцать сантиметров. Он видел каждую ресничку на воспаленных веках Орловского, каждую пору на его коже, каждую мелкую морщинку, прорезавшуюся у губ. И самое страшное — он не испытывал ни неловкости, ни желания отстраниться. Только тепло. Только странное, болезненное чувство правильности происходящего.

Браслет на запястье пискнул, и на коже проступило новое сообщение: «Зафиксирован акт добровольного эмоционального сопереживания высокой интенсивности. Уровень слияния повышен до сорока двух процентов. Рекомендация: продолжить тактильный контакт. Протокол расторжения временно деактивирован до получения обоюдного запроса».

— Временно деактивирован, — прочитал вслух Алексей. — Значит, у нас есть отсрочка.

— Или у них появились другие планы, — мрачно добавил Максим.

Проект выставочного павильона требовал завершения. После утреннего эмоционального шторма оба чувствовали себя выжатыми до дна, но работа странным образом успокаивала. Точные линии, цифры, расчеты создавали иллюзию контроля над хаосом, в который превратилась их жизнь.

Они сидели за общим рабочим столом, развернув голографическую модель будущего павильона. Консольные балки, подсвеченные синим, парили в воздухе, мембраны трепетали от воображаемого ветра, а стеклянные переходы переливались градиентами света. Это было красиво. Это было гениально. И это было плодом их совместного разума.

— Здесь, — Алексей указал на стык восточного крыла с центральным залом, — нужна дополнительная виброразвязка. Если ветер будет сильным, мембрана войдет в резонанс.

— Вижу, — Максим кивнул. — Я добавлю демпферы. Вот тут, под консолью.

Их руки встретились на панели управления, накладывая слои чертежа. Стилусы скользили синхронно, словно ими водил один человек. Мысль перетекала в действие без словесного оформления. Стоило одному представить узел, как второй уже прорабатывал его детализацию. Это походило на игру в четыре руки на фортепиано, где каждый знает партию другого.

К полудню павильон был готов. Полностью. Со всеми расчетами, спецификациями, визуализацией и даже анимацией движения посетителей внутри. Алексей откинулся в кресле, потирая воспаленные глаза.

— Мы сделали это за два дня. За два дня, Макс. В одиночку я потратил бы неделю. Ты — две, потому что отвлекался бы на другие идеи.

— А вместе мы — машина, — Максим усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Интересно, нас теперь премируют или сразу переведут в разряд государственного имущества?

Ответ пришел раньше, чем они ожидали. На главном экране гостиной вспыхнуло изображение Серебрянского. Он сидел в своем кабинете, на фоне все тех же черных панелей, и выглядел необычайно довольным. Даже румянец на впалых щеках стал ярче.

— Bravo, дуэт «Один-Девять»! — произнес он тоном ведущего телевикторины. — Я только что просмотрел ваш проект. Признаться, я впечатлен. Даже мои скептически настроенные коллеги из архитектурного департамента не нашли ошибок. А ведь они искали. Поверьте, очень искали.

— Мы старались, — сухо ответил Алексей. — Каков следующий шаг?

— Следующий шаг — проверка на прочность, — Серебрянский подался вперед, и его лицо на экране увеличилось, став неприятно реалистичным. — Завтра вы покинете квартиру и отправитесь на строительную площадку. Ваш павильон будет возведен в реальности. Из реальных материалов. И вы будете лично контролировать процесс. Работать с бригадой, решать проблемы на месте, вносить коррективы. Это этап полевых испытаний.

— Мы будем вне квартиры? — Максим оживился. — Без охраны?

— Охрана будет. Нейробраслеты останутся на вас. Дистанция — те же пятьдесят метров. На площадке будет размещено оборудование для поддержания связи и наблюдения. Попытка бегства или саботажа карается по уже известной вам схеме. Но, — он сделал театральную паузу, — вы получите глоток свежего воздуха. И возможность доказать, что ваш тандем эффективен не только в тепличных условиях.

— Что будет, если мы провалим испытание? — спросил Алексей.

— Тогда протокол расторжения будет активирован автоматически, без вашего согласия. Система сама выберет, кто из вас двоих имеет больший потенциал для дальнейшей работы в других дуэтах, а кто является балластом. И балласт будет ликвидирован.

Экран погас, оставив после себя звенящую тишину.

— Значит, завтра решается наша судьба, — произнес Максим, глядя на погасший экран. — Либо мы строим шедевр, либо один из нас умрет.

— Мы построим шедевр, — жестко сказал Алексей. — Другого варианта нет.

Остаток дня прошел в подготовке. Они перепроверяли чертежи, спорили (уже без прежней злобы, скорее для разминки мозгов), уточняли допуски. К вечеру оба вымотались настолько, что даже привычное раздражение от присутствия друг друга притупилось, уступив место тупой усталости.

— Есть хочу, — заявил Максим, падая на диван. — Настоящей еды. Не этой синтезированной баланды, которую нам присылает система.

— В холодильнике есть стейки, — напомнил Алексей. — И овощи. Я могу приготовить.

— Ты умеешь готовить?

— Меня бабушка научила.

Воспоминание о бабушке промелькнуло легким теплом в груди, и Алексей заметил, как Максим чуть заметно улыбнулся — он тоже почувствовал это тепло.

— Тогда действуй. А я пока... ну, хотя бы стол накрою. Не могу сидеть без дела, пока ты возишься у плиты.

Это был первый их совместный ужин, приготовленный своими руками, а не заказанный через автоматическую систему доставки. Алексей жарил мясо, сбавив его розмарином и чесноком — так, как делала бабушка. Максим резал помидоры для салата, и делал это криво, неровно, но с неожиданным старанием. Аромат жареного мяса наполнил квартиру, вытеснив запах озона и пластика. Стало почти уютно.

Они сидели за обеденным столом, ели молча, изредка перебрасываясь короткими фразами. Но молчание было наполнено не враждебностью, а чем-то другим — может быть, зарождающимся взаимопониманием. Алексей ловил себя на мысли, что ему нравится смотреть, как Максим ест. В его движениях исчезла обычная дерганая резкость, появилась какая-то домашняя расслабленность.

— Знаешь, — произнес Максим, отодвигая пустую тарелку, — я никогда ни с кем не ужинал просто так. Без деловых переговоров или попыток запудрить мозги женщине. Странное чувство.

— Я тоже, — признался Алексей. — В последние годы я вообще избегал компаний. После развала бюро мне казалось, что все видят на мне клеймо неудачника.

— А я после истории с обрушением боялся смотреть людям в глаза. Мне везде мерещилось осуждение.

Они помолчали. Потом Максим поднял стакан с водой (никакого алкоголя — спиртное плохо сочеталось с нейроинтерфейсом, вызывая головокружение) и произнес неожиданно серьезно:

— За наше последнее испытание. Пусть завтра мы не подведем друг друга.

Алексей поднял свой стакан. Хрустальный звон прозвучал в тишине как торжественная клятва.

Ночью, ложась спать, они снова нарушили протокол территориальной неприкосновенности. На этот раз инициатором выступил Алексей.

— Макс, — позвал он, глядя в потолок. — Можно я лягу рядом? Не в смысле... Просто я боюсь, что ночью опять накатит паника, и если я буду далеко, то не смогу помочь.

В ответ раздался шорох. Максим молча подошел к кровати и лег с противоположного края, поверх покрывала.

— Спи, — сказал он. — Если что, я разбужу.

И Алексей уснул. Без снов, без чужих кошмаров, просто провалился в темноту, ощущая рядом живое, теплое присутствие. Это был первый спокойный сон за долгие недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.